В этом фильме всё посредственно, кроме музыки. Читатель, несомненно, догадался, что речь идет о телевизионном сериале «Седьмая симфония», который явил миру канал «Россия-1», предварительно известив своего зрителя, что он в очередной раз, 15-й или 20-й, имеет дело с главной премьерой года.

Мою оценку фильма как крайне посредственного, конечно, разделят не все. У каждой самой вымученной мыльной оперы, у всякого доведенного до абсурда авторского киновзгляда найдутся свои поклонники, способные откровенную ложь посчитать откровением, «историей, которую мы не знали».

Ведь полагали, без тени сомнения, тысячи наших сограждан после выхода на экраны «Утомленные солнцем-2», что Никита Михалков показал «настоящую войну».

Вот и сериальная «Седьмая симфония» воспринимается частью сограждан с тем же восторгом, как некогда встречали великое музыкальное произведение Дмитрия Шостаковича, давшее название фильму. И нет у меня сомнений в том, что каждый волен выбирать то, к чему он тяготеет. Диапазон политических, эстетических, а также гастрономических пристрастий у нас огромен.

Несочетаемый и алогический разброс в мыслях соотечественников уловил уже наш незабвенный Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин, который сам разрывался между государевой службой по ведомству внутренних дел и вольнодумным сочинительством. Вот и его литературный герой, подобно большинству обывателей, не мог определиться, чего же ему больше хочется: «… не то конституции, не то севрюжины с хреном, не то взять бы да и обобрать кого-нибудь».

На мой взгляд, к последнему из перечисленных занятий более всего тяготеет современный российский кинематограф во всех его творческих проявлениях: от эпических лент, претендующих на «нетленку», до одноразовых сериалов и авторского кино. Обдирают они ужасно государственную казну, беря деньги на съёмки фильмов, изначально понимая, что кассовые сборы и рейтинги не обеспечат окупаемости. Обирают безжалостно, шулерски зрителей, выдавая посредственное за хорошее, низменное – за высокое, а бульварщину – за вкус.

Вот и в отношении «Седьмой симфонии» кто-то, уверовав в навязчивую рекламу, всплеснув ручками и волнительно закатив глаза, принялся, как мантру, повторять: «Ах, душка, Александр Котт! Какой шедевр явил!»

Замечательный фильм Александр Котт снял 11 лет назад. Называлась лента «Брестская крепость». Фильм, действительно, посмотрели и запомнили миллионы, но отечественная кинотусовка встретила картину несочувственным молчанием. Наградами фестивали её обошли. Наверное, тогда и внес Александр Константинович коррективы в творчество, а в результате докатился до приза «Кинотавра» за фильм «Испытание», о котором, возможно, критики еще помнят, но широкий зритель прочно забыл и хорошо, если вообще знал.

«Седьмая симфония» без навязчивой рекламы также, скорее всего, осталась бы пустым звуком для широкого зрителя. Но ему подсказали: смотрите, это есть высокое кино, почти шедевр. Современная публика очень любит, когда ей подсказывают, где следует рассмеяться, где грустить, где сопереживать, а где захлебнуться от культурного экстаза.

У некоторых авторов откликов в социальных сетях, не берусь судить, сколько из них реальных людей, а сколько информационных роботов, восторг вызвала сюжетная линия «Седьмой симфонии». На мой взгляд, она затянута, скучна, предсказуема. В общем, вызывая зевоту и сонливость, может служить хорошим заменителем снотворного. Сериал изобилует идеологическими и сценарными штампами, от которых Александр Котт после демонстрации художественной смелости в «Брестской крепости» с её позитивными комиссарами и энкэвэдэшниками боится «оторваться», чтобы не «нарваться» на критику коллег по кинематографическому цеху.

Дело вовсе не в очередном появлении на экране отупело-озлобленного от зверств, творимых им и творимым с ним, человека в фуражке с синим околышем и кожаной куртке. Жаль, что чекисту Серегину в исполнении Алексея Кравченко еще маузер через плечо не повесили. Представляете, как бы символически смотрелся чекист, загоняющий музыкантов в оркестр и на усиленный паек длинноствольным оружием германского изобретения?

Дело в искусственном моделировании социальной враждебности, тотального недоверия как характерных состояний советского общества того периода. Этим штампом пронизано всё современное российское кино, обращенное в военные годы. Но вот только позволительно спросить: способно ли общество, раздираемое тотальными противоречиями, живущее в обстановке враждебности и недоверия, победить такого могучего врага, каким оказался германский фашизм? Нет? Но мы победили. В СССР нашлись сотни тысяч человек, которые с оружием в руках служили врагу, стали палачами собственного народа, но не они определяли общую картину. Не стоит частности возводить в абсолют.

История нашей страны знает и другой пример. Российское общество времен Николая II, разделенное противоречиями и сословностью, испытание большой войной пройти не смогло. Вместо победы мы получили две революции и длившийся пять лет кровавый гражданский конфликт.

В сюжетной линии «Седьмой симфонии», конечно, есть и находки: неврастеничка Ольга Берггольц, а также комбат, сладко и много жрущий на передовой на глазах у голодных бойцов. Возможно, в последнем случае мы имеем от создателей фильма оговорку по Фрейду. Они продемонстрировали, как намерены поступить сами, окажись в данной должности, в предложенной ситуации.

История Великой Отечественной войны знает примеры, когда командующие фронтами и армиями для собственного пропитания обзаводились фермами. Например, жизненные силы небезызвестного генерала Андрея Власова во время его командования окруженной 2-й армией поддерживало персональное дойное стадо.

Но для комбата, в армейской иерархии величины незначительной, ситуация, зафиксированная в фильме, имеет два варианта событий. Либо суд военного трибунала, либо пуля от собственных подчиненных при первом серьезном боевом эпизоде.

Неформальные отношения в воинском коллективе, особенно в боевой обстановке, суровы. Командир подразделения, находящийся на передовых рубежах, чтобы иметь шанс уцелеть, должен пользоваться авторитетом у подчиненных, а не объедать их.

Рисуя образы таких вот комбатов, создатели фильма, хотят они того или нет, девальвируют память о бойцах и офицерах, отстоявших город на Неве. О тех, кого призывает помнить бесхитростная и пронзительная песня военных лет «Застольная Волховского фронта»: «Кто командовал ротами, кто умирал на снегу, кто в Ленинград пробирался болотами, горло ломая врагу».

Ленинградский фронт, осажденный город в тот период, на который обратили внимание создатели фильма, переживали один из труднейших периодов блокады. Завершилась неудачей очередная попытка советских войск прорвать кольцо окружения вокруг Северной столицы. Она привела к большим потерям, и хоть не позволила деблокировать город, но сорвала планы оккупации Ленинграда войсками Эриха фон Манштейна, которые перебросили на север после захвата ими Севастополя.

Гитлеровский фельдмаршал заявлял о готовности провести парад на Дворцовой площади не позднее 9 августа 1942 года. Поэтому именно этот день выбрали для исполнения Большим симфоническим оркестром Ленинградского радиокомитета Седьмой симфонии Дмитрия Шостаковича. Концерт транслировали в прямом эфире.

Однако вернемся к сериалу. Его хвалят за игру Алексея Гуськова. Но актер, органично смотрящийся в привычных для дня него и достаточно узких сценических амплуа, слабо коррелируется с образом интеллигентного, погруженного в мир музыки дирижера БСО Карла Элиасберга. Алексей Гуськов весьма опрометчиво посчитал, что способен осилить эту роль. Как скрипящий зубами и стреляющий глазами антагонист чекиста Серегина он органичен, как мыслитель, катализирующий протест диктату – шаблонен и спорен, как интеллигент и музыкант – странен. Алексей Гуськов без всяких натяжек хороший актер, но именно по этой причине он должен, трезво оценивая свой потенциал, отстраняться от рискованных творческих экспериментов.

Создателей фильма обвиняют в том, что они существенно переконструировали реальные биографии своих героев, отступили от историчности в изложении событий. Но авторы художественного произведения имеют право на творческое переосмысление биографического материала, с которым работают. Хотя не могу не согласиться с тем, что экранные герои с реальными именами и фамилиями в идеале должны без особых фантазий соответствовать своим прототипам.

Не в сериале, а в реальности жена Карла Элиасберга Надежда Бронникова никогда не

подвергалась политическим репрессиям. Организацией концерта занималось политуправление Ленинградского фронта, а не территориальное управление НКВД. Как понимает мой проницательный читатель, такие поправки обязывают снимать совсем другой фильм, выскальзывающий из догматической системы координат создателей сериала.

Искусственные концептуальные установки предопределили все перечисленные недостатки фильма. В одном из своих интервью Александр Котт «Седьмую симфонию» определил как кино «во время войны, но не о войне».

Советский режиссер Алексей Герман, снимая ставший хрестоматийным фильм «Двадцать дней без войны», ставил совершенно противоположную задачу – рассказать о войне без войны. Поэтому чувствуется в ленте 1976 года колорит и трагизм того времени, чего совершенно нет в сериале Александра Котта.

«Во время войны, но не о войне» в конечном итоге обернулось тем, что герои сериала оказались вне времени, вне страшных реалий осажденного города. Их трагедии воспринимаются мелкими бытовыми неурядицами, убивающие людей голод, болезни, бомбежки, обстрелы вроде и присутствуют, но только как театральные декорации, сработанные из папье-маше. А самое главное – творческий коллектив сериала не смог донести до зрителя причину, по которой 80-минутный концерт Большого симфонического оркестра Ленинградского радиокомитета 9 августа 1942 года вошел в историю Великой Отечественной войны наравне с парадом в Москве 7 ноября 1941 года.

Не осознали, а потому не смогли донести до зрителя то, что хорошо выразил бывший немецкий офицер Фриц Херман в разговоре с Карлом Элиасбергом, который состоялся через 16 лет после окончания войны: «Тогда, 9 августа 1942 года, мы, немцы, поняли, что проиграем войну. Мы думали, что Ленинград после наших обстрелов и бомбежек мертв. Но когда зазвучала симфония, мы ощутили вашу силу, способную преодолеть голод, страх и даже смерть».

Владимир СЛАБУКА